Макаревич Андрей 7.09.96

Клубный пиджак! прил. к Комс. правде. - 1996. - 7 сент. - с. 3.

ДВОРИКИ

Макаревич с Козловым помнят приблатненное детство

А помните ли вы, как пуля энкавэдэшницы Лельки выбила «зуб золотой» парню в «кепке набок»?..

Алексей Козлов с Андреем Макаревичем поют в день рождения Высоцкого.

Фото А. СТЕРНИНА.

Еще где-то в самом начале перестройки мне вдруг непреодолимо захотелось выплеснуть наружу все, что было связано с моим дворовым детством, хоть как-то зафиксировать ушедшее прошлое послевоенной жизни московских детей.

Я сел за стол и набросал короткий план не то статьи, не то сценария (тем более что были замечательные примеры - уже ставшие популярными документальные фильмы Алексея Габриловича "Кино нашего детства", "Футбол нашего детства" и "Цирк нашего детства").

С Алешей мы были довольно близко знакомы давно. Недолго думая, я позвонил ему и предложил делать фильм "Дворы нашего детства".

Где-то через год мы приступили к работе. Я включился в работу - сперва по обсуждению сценария, затем как композитор, а затем и как один из участников-вспоминальщиков в компании с Валентином Гафтом и Львом Дуровым. Вот здесь-то и возникла мысль, чтобы я спел одну из дворовых песен. Пришла она Габриловичу, которому я рассказал, что во дворе играл на семиструнной гитаре, аккомпанируя всей компании.

Я решил попробовать, но тут выяснилось, что достать семиструнную гитару не так-то просто - у всех только шестиструнные. Наконец за день до намеченной съемки гитару мне достали, и я быстренько припомнил необходимые три-четыре аккорда типа "удавка", "лесенка" или "барэ". Я спел в этом фильме песню "В кепке набок и зуб золотой" - мне это дорогого стоило.

Когда не берешь в руки гитару лет сорок, твои нежные пальцы при соприкосновении со струнами не испытывают ничего, кроме боли. Хорошо, что эпизод с моим пением был снят за один дубль, второго я бы не выдержал...

***

Фильм "Дворы нашего детства" был показан по телевидению. Тогда же пришла мысль - а не сделать ли запись таких песен на компакт-диске?

И вот летом 95-го мы случайно встретились с Андреем Макаревичем в Самаре на фестивале, который ежегодно проводится там под эгидой Василия Аксенова. И тут меня осенило: вот с кем мы можем записать дворовые, пионерско-блатные песни. Во-первых, на гитаре мне уже не надо будет играть, во-вторых, он и сам неплохо поет, в-третьих, мы с ним давнишние приятели. Да и судьбы похожие - и "Машина времени", и "Арсенал" с начала 70-х годов подвергались одинаковому запрету со стороны властей...

Ну а кроме всего прочего, мы оба заканчивали Московский архитектурный институт, учились у одних и тех же преподавателей, среди которых был отец Андрея.

Где-то за кулисами перед концертом я сделал Андрею такое предложение, а он, не задумываясь, согласился.

Но запись состоялась лишь в мае 96-го. Оба, а особенно Андрей, были постоянно заняты.

Главная идея - надо представлять себе, что это поют не урки, а как бы приблатненные пионеры. Ведь во дворе, бывшем, по сути дела, миниатюрной детской моделью советского общества со всеми его жесткими законами, были перемешаны и крепко дружили между собой и маменькины сынки из обеспеченных семей, и вечно голодные "огольцы", дети не то пропавших без вести, не то временно "сидящих" родителей, просто сироты, жившие под слабым надзором дальних родственников, каких-то бабок и теток. Играли все вместе в одни и те же игры, пели одни и те же песни. Вот в такой обстановке и возник пафос "пионерско-блатного" пения, объединявший наше поколение.

***

Но почему детей из самых разных социальных слоев общества так захватил пафос жизни преступного мира, смешанный с романтикой пиратов и атаманов, "ковбойцев" и мстительных красавцев-испанцев?

Причин тому было много. Известно, что в системе ГУЛАГа негласно поощрялся террор уголовников по отношению к "политическим". Главный "пахан" страны Иосиф Джугашвили, сам бывший в молодости террористом-налетчиком, прекрасно понимал, что такое власть "паханов" в ГУЛАГе. А так как вся Советская страна тогда фактически являлась моделью "большой зоны", естественно, и тюремно-лагерная эстетика, с ее жаргоном, манерой поведения и неписаными законами, переносилась в жизнь простых обывателей, в мир "фраеров".

Образ "урки" вызывал не только страх, но и особое чувство уважения. Урка был не просто рискованным и ловким, он жил по жестким воровским законам, которые, в отличие от государственных, нарушать было нельзя. И их строго соблюдали, не шли без крайней надобности на "мокрые" дела и, в частности, не грабили артистов и музыкантов... Нарушение воровского закона каралось подчеркнуто жестоко, чтоб неповадно было.

Помню, как классе в третьем, не желая отставать от всеобщего поветрия, я понаделал себе наколок, надел на зуб "фиксу" из фольги, обрезал козырек у обычной кепки, сделав "малозырку", попросил бабушку вставить клинья в брюки, чтобы они стали "клешами", пытался достать "тельник". В пионерском лагере одна вожатая научила меня "бацать" на семиструнной гитаре, после чего я стал во дворе неотъемлемой частью пионерско-воровской компании...

***

Помимо подбора песен, где должен был быть соблюден баланс между наивной романтикой и лагерным пафосом, у нас с Андреем возникла проблема текстов. Часть куплетов просто выветрилась из памяти, а то, что помнилось, надо было уточнять и согласовывать, так как в разных дворах многое пели по-разному.

Решили записать шестнадцать песен, из которых восемь мы поем вдвоем под аккомпанемент гитары Макаревича и по четыре сольные, где каждый аккомпанирует себе сам: Андрей - на гитаре, а я - при помощи клавиш, сэмплера и компьютера, имитируя то гитару, то струнный оркестр.

Продюсировать и издавать компакт-диск взялся Александр Кутиков, руководитель компании "Синтез-рекордз".

Записали все в две смены, в реальном времени, то есть пели и играли одновременно. Наложения делали только тогда, когда в целях создания аутентичной дворовой обстановки надо было получить еще какие-то звуки. Тогда стучали себя ладонями по ляжкам и трясли спичечными коробками.

Петь пытались нарочито не вместе и не очень стройно, но с этим возникла проблема. Годы профессиональной работы сделали свое черное дело: все время получалось вместе и стройно, иногда понять, что поют два человека, а не один, трудно...

В некоторых песнях звучит на заднем плане гармошка, оживляя скромный дворовый саунд и не противореча реальности былого. Это играет приглашенный Макаревичем специалист. А вот в некоторых фонограммах, приготовленных мною дома на компьютере, можно услышать как бы симфонический оркестр и довольно серьезную гармоническую интерпретацию песен, состоявших на самом деле из трех аккордов. Пользуясь случаем, я хотел бы объяснить, почему я выбрал этот подход.

Отнюдь не для того, чтобы "свою образованность показать". Это произошло естественным путем. Характер оркестровки здесь отражает всю серьезность отношения детей нашего поколения к тому, о чем мы тогда пели.

Каждый раз, когда пуля энкавэдэшницы Лельки выбивала "зуб золотой" парню в "кепке набок", мы искренне переживали это, до мурашек на спине. Все, что происходило в песнях, было нашей второй реальностью.

Вспоминал джазмен Алексей КОЗЛОВ.

Это приблатненный пионер Козлов.

Не все ребята из наших дворов стали ворами, но лучшее из того, чем жила тогда приблатненная дворовая среда, мы впитали в себя - лихость и рискованность, непродажность и презрение к "сукам" любого сорта.

И такой же пионер – Макаревич.